
АНДРЕЙ
КУРПАТОВ
СКЛАДКА
ВРЕМЕНИ

Академия смысла

Андрей Курпатов

Складка времени. Сущность и критерии

«Курпатов А.В.»
2022

УДК 159.9
ББК 88.37

Курпатов А. В.

Складка времени. Сущность и критерии / А. В. Курпатов — «Курпатов А.В.», 2022 — (Академия смысла)

ISBN 978-5-907469-17-4

Мы странным образом теряем ощущение перспективы. Образ возможного будущего не проступает, не рисуется. Сама история – и наша собственная, и цивилизации – рассыпается, теряя свой прежний, когда-то стройный метанарративный облик. Оказавшись в такой ситуации, мы как будто схлопываемся – ощущаем какую-то внутреннюю пустоту, теряем идентичность. Мы словно бежим, оставаясь на месте. «Складка» – специфическая «патология» времени. Патология, которая, как часто бывает в медицине, позволяет разглядеть его – времени – истинные и сущностные черты.

УДК 159.9
ББК 88.37

ISBN 978-5-907469-17-4

© Курпатов А. В., 2022
© Курпатов А.В., 2022

Содержание

От автора 6
Введение 16
Складка временикак экспериментальная патология 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Андрей Владимирович Курпатов
Складка времени. Сущность и критерии

© А. В. Курпатов, 2019
© ООО «Дом Печати Издательства Книготорговли «Капитал», 2022

От автора
[Следственный эксперимент]

Сегодня я начинаю эту книгу в очередной, бессчетный уже раз. Кажется, само ее название – «Складка времени» – заговоренное: я словно бы хожу по замкнутому, но бесконечно расширяющемуся кругу – раз за разом пытаюсь развернуть тему, раскрыть ее содержание, разложить его на составные части, но одновременно бессильно наблюдаю за тем, с какой поразительной безапелляционностью поставленный мною вопрос тут же, на глазах, подобно черной дыре, сворачивается, свертывается, складывается внутрь самого себя.

Впрочем, ловушка названия этим не ограничивается: да, круги по воде от брошенного мною камня-вопроса послушно расходятся вширь (оставляя меня внутри своей замкнутости), но каждый из них, в свою очередь, непременно задает новую тему, очередную проблематику и свой ракурс. Погружаясь в этот водоворот, я ошеломленно наблюдаю за тем, как выскакивают, подобно чертикам из табакерки, диковинные «вещи в себе» – собственно проблема времени (нигде и никем толком не проясненная) и его загадочные отношения с пространством (причем не только физическим, но и моим внутренним – «субъективным»), проблема самой сути нашего с вами мышления и, как оказывается, реальности и структуры желания, проблема социальности времени, а потому и проблемы «субъекта», «наблюдателя», «системы отсчета», тут же обнаруживается и социокультурная (не говоря уже о культурно-исторической) трансформация, обусловленная изменением самой природы времени «нашего времени». Вопрос за вопросом. Бесконечность et cetera.

Наконец, перед взором открывается, возможно, самый главный вопрос – физики-метафизики времени. Причем физики – не в смысле «научной дисциплины» и метафизики – не в смысле «философского направления», а в смыслах предельно конкретных и сущностных – реальности (физика) и ее описания (метафизика). Дело в том, что время не дано нам физически (в некой своей фактичности) – у нас нет специализированных органов чувств, отвечающих за восприятие времени (тогда как, например, наши зрительный или слуховой анализаторы, напротив, предуготованы к световым и звуковым волнам). То есть психика не воспринимает время, а лишь реконструирует его – создает своего рода иллюзию времени, творя таким образом его метафизику.

> Например, видимые нами движения – это всегда результат а-ля компьютеризированного просчета нашим мозгом множества отдельных, то есть, по сути, вневременных картинок (этот эффект практически идентичен эффекту крутящейся кинопленки, состоящей из отдельных, статичных кадров-изображений)[1]. На более общем плане время, каковым оно нам кажется, является, по существу, игрой памяти и данных актуального восприятия – взаимодействием уже сосуществующих в мозге отдельных следов-возбуждений, но называть такое «время» временем как-то странно. То есть время, субъективное течение которого всем нам представляется столь очевидным, по сути лишь какая-то далеко не первая производная, та самая эмерджентность, о которой так любят толковать теоретики систем.
>
> Действительно, крайне затруднительно представить себе, например, «чистое» квалиа времени (по крайней мере, если пользоваться достаточно строгой системой критериев, разработанных для «квалиа» Дэнниелом

[1] Веккер М. М. Мир психической реальности: структура, процессы и механизмы. – М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 2000. – С. 183–184.

> Деннетом[2]) – это вовсе не нечто «прямо и непосредственно воспринимаемое сознанием», а то, что возникает в сознании как представление в результате его же – этого сознания (и психики, разумеется) – работы. Иными словами, поскольку у нас нет опыта восприятия времени как такового (физически, так сказать), все, что нам кажется этим «переживанием», – уже метафизика, то есть эффект работы понятий и представлений в их собственном пространстве – понятий и представлений[3],[4]. Короче говоря, перед нами фантом.

Таким образом, время метафизируется – превращается в представление о самом себе – уже в моменте своего явления нам, а потому собственно эта метафизика и есть по сути его физика. Но если такие сложности возникают уже на самом элементарном, первичном уровне «восприятия» времени, что уж говорить о том «времени», которое мы мыслим в абстрактных тысячелетиях, годах и минутах… сплошь интеллектуализация, имитация времени, «дурная бесконечность», как сказал бы Джон Эллис Мак-Таггарт, а цитирующий его Джеймс Джеральд Уитроу тут же бы добавил: ибо «время как таковое не является процессом во времени»[5].

Короче говоря, мы находимся в плену фундаментальной иллюзии. Нам кажется, что мы прекрасно знаем, что такое время (или, по крайней мере, что мы имеем в виду, когда говорим о времени), и, более того, мы уверены, что с ним все в порядке. Мы убеждены, что перманентно имеем дело с реальным временем, а если у нас и возникают с ним какие-то «непонятности», то исключительно по причине незначительного рассинхрона между физическим и психическим временами (не считая биологического, исторического, времени ОТО и т. д. – бесчисленной вереницы «времен»): мол, есть объективное время – время как оно есть, а есть субъективное – мое ощущение времени, некие мои внутренние часы, и понятно, что местами они могут не совпадать. Однако правда состоит в том, что оба указанных времени – и психическое, и физическое – опять же лишь уловки сознания.

> Физики, как мы теперь знаем, прекрасно обходятся без времени как такового. Еще в самом начале XX века Анри Пуанкаре призывал удовлетвориться фактом «удобства» тех или иных часов, поскольку ни на что большее – кроме самого этого «удобства» – нам в определении времени рассчитывать не приходится[6]. Чуть позже Альберт Эйнштейн напишет своему другу Мишелю Бессо: «Для нас, убежденных физиков, различие между прошлым, настоящим и будущим – не более чем иллюзия, хотя и весьма навязчивая»[7].
>
> Наконец, уже наш современник – мастер бестселлеров, легендарный автор «Краткой…» и «Кратчайшей истории времени» – Стивен Хокинг, когда ему приходится писать не об «историческом времени» Вселенной (что стало, кажется, основным его развлечением в инвалидном кресле), а о времени как таковом, вполне недвусмысленно издевается над своим читателем – мол, вы или понимаете, что о времени говорить бессмысленно, ну или чувствуете себя дураками, ничего с вами не поделать (чего стоят его «невинные» пассажи о

---

[2] Волков Д. Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 169–204.

[3] В книге «Искаженное время» Клодия Хэммонд собрала с десяток весьма показательных экспериментов, подтверждающих этот факт.

[4] Хэммонд К. Искаженное время. Особенности нашего восприятия времени. М.: Livebook, 2013. С. 138–159.

[5] Уитроу Д. Д. Естественная философия времени: пер. с англ. / Общ. ред. М. Э. Омельяновского. 4-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 373.

[6] Пуанкаре А. Ценность науки. М., 1906. С. 33.

[7] Эйнштейн А., Бессо М. Переписка, 1903–1955 // Эйнштейновский сборник. 1977. М.: Наука, 1980.

том, что произошло «через секунду» после Большого взрыва, и тому подобная тонкая космологическая ирония).

Впрочем, ситуация с «субъективным временем» еще хуже, чем с временем господ физиков: достаточно сопоставить результаты соответствующих психологических исследований, чтобы убедиться в поразительной противоречивости их результатов. Так, например, психологам хорошо известно, что увеличение числа событий в единицу времени неизбежно приводит к субъективному ощущению «замедления времени»[8],[9], но ровно тот же эффект возникает, например, и у депрессивного больного, которого, мягко говоря, сложно заподозрить в какой-то избыточной активности (данные классического теста «Индивидуальная минута»). К слову, у тревожного пациента, страдающего как раз от переизбытка событий в его, по крайней мере, внутренней жизни, субъективное время как раз ускоряется… Как эти данные можно согласовать друг с другом? Ей-богу, непонятно. Но еще большее недоумение, как мне представляется, вызывает опыт переживания времени, когда субъект полностью или частично утрачивает контроль над собственным сознанием – например, в сновидении, под наркозом или в наркотической интоксикации. За несколько минут сна вы можете увидеть сновидение, которое продолжается хоть до бесконечности долго, а будучи в глубоком наркозе, вы, скорее всего, полностью выпадете из времени, словно бы его не было вовсе. Наконец, под воздействием банальной марихуаны вы, вероятно, будете абсолютно уверены в том, что все происходит слишком медленно или, напротив, слишком быстро, несмотря на то что это, мягко говоря, не соответствует «действительности».

Так что ж это за время такое, которое зависит то от какой-то совершенно условной инерциальной системы, введенной в оборот в утилитарных целях физиками, то – вы только вдумайтесь! – от контроля со стороны моего сознания? Как тут не вспомнить блаженного Августина: «Что есть Время? Когда меня спрашивают о нем, я знаю, о чем идет речь. Но стоит мне начать объяснять, я не знаю, что и сказать!» И теперь давайте попробуем написать книжку о «времени» (хотя таким попыткам нет числа, удачных опытов пока, на мой взгляд, не наблюдается), а уж тем паче – о его «складке» (к разъяснению этого феномена мы перейдем совсем скоро).

За четыре года работы над этой темой я перечитал гору специальной литературы, но монографий, посвященных феномену «времени», до неприличия мало, а тех, что посвящены непосредственно времени, времени как таковому, – и вовсе не сыщешь (написать на обложке книги «Время» – еще не значит говорить именно об этом на ее страницах). С другой стороны, трудно найти автора (философа, физика, историка, социолога, биолога, психолога и т. д., и т. п.), претендующего на решение хоть сколько-нибудь серьезной проблемы, который бы не счел необходимым оговорить свои представления о времени, точнее, каким-то образом обойти вопрос о времени, сказав о нем что-нибудь (да, звучит парадоксально, я знаю). Наконец, нет ни одной хоть сколько-нибудь великой философской системы, которая бы не решала как-то вопрос о времени – не создала бы собственной, в чем-то уникальной концепции на этот счет.

«Мыслили ли на Западе действительно о „времени”? – задается вопросом Франсуа Жюльен. – Ибо, если мы пересмотрим историю философии под

[8] Например, при прослушивании музыки с большим количеством нот и тактов в единицу времени само это время субъективно будет течь для нас дольше, то есть медленнее, чем в случае с музыкой, где тех же нот и тактов на единицу времени приходится меньше. И таких примеров масса.

[9] Тейлор С. Покорение времени: Как время воздействует на нас, а мы на время / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2010. С. 53–55.

> углом вопроса о времени, выяснится, как мне кажется, что мы меньше мыслили время само по себе, чтобы определить его природу, и больше пользовались им как способом доступа и как точкой опоры в отношении философских предметов, которые, будучи нисколько друг с другом не связаны, затрагивали время лишь по касательной. ‹…› Кант рассуждает о времени, чтобы установить возможность априорных синтетических суждений, основанных на предшествующей всякому опыту интуиции, которая есть форма нашей чувственности и на которой основана возможная объективность феноменов и науки. Гуссерль мыслит время, чтобы через единство интенции получить доступ к „интенциональности", составляющей время, и вследствие этого – к абсолютной субъективности сознания. Последовательно изменяя свою конфигурацию, время выполняет поочередно и другие функции: время открывает доступ к „интуиции" как непосредственное видение духа духом (видение „чистой длительности", Бергсон) или дает доступ к „бытию" (как „трансцендентальный горизонт Здесь-бытия", Хайдеггер). ‹…› Стало быть, вместо того чтобы дать место истории, мы способны лишь на то, чтобы писать истории (культурные истории) представлений о времени, понятие времени сегодня – это то, посредством чего вновь открывается и вновь конфигурируется – для всякой великой философии – сама возможность философии»[10].

Или вот, возвращаясь к физикам… Отказываются ли они на самом деле от этой своей «весьма навязчивой» иллюзии времени, когда заявляют, что время их не интересует? Да, они вполне убедительно показывают, что геометрическая по сути модель эйнштейновской относительности вполне может обойтись без того времени, которое мы привыкли называть «временем». Да, «копенгагенцы» – идеологические оппоненты Альберта Эйнштейна – в лице Нильса Бора, Вернера Гейзенберга и прочих более чем уважаемых товарищей, также – хотя и на свой лад – нивелируют понятие времени (на сей раз с помощью «принципов» – дополнительности, неопределенности, идеи квантовой запутанности и т. д., призванных вывести феномен времени за скобки). Но при этом все они – давайте уж не закрывать до такой степени глаза на здравый смысл – продолжают заниматься «процессами»… Можно ли в таком случае считать, что уловки, к которым они прибегают, пряча голову в песок вневременной геометрии или полуживых-полумертвых котов, действительно освобождают их от вопроса о времени?

Есть даже что-то забавное в этой амбивалентности по отношению ко времени, которая напоминает то классическую игру в кошки-мышки (кажется, что Шрёдингер на это прямо и намекает), то почти истерическую слепоту (когда больной действительно перестает видеть то, что его пугает), то, наконец, напускное высокомерие, напускаемое как раз для того, чтобы как можно более тщательно скрыть собственную некомпетентность. Впрочем, какое объяснение тут ни возьми, а их может быть сколько угодно, само это поведение – избегания, сокрытия, умалчивания, и т. д., и т. п. – лишний раз демонстрирует значительность проблемы времени.

Суммируешь все эти «странности», и складывается стойкое ощущение, что, задаваясь вопросом «о времени», мы оказываемся перед лицом одной из важнейших проблем как нашего с вами существования, так и реальности как таковой – самой по себе. И трудно не думать о том, что этот факт настолько последовательно и настойчиво игнорируется, обходится стороной и забалтывается именно потому, что любые попытки ответить на него хоть сколько-нибудь определенно раз за разом оказываются совершенно бесплодными: вопрос о времени, что с ним ни делай, как его ни крути, беспомощно и безнадежно повисает в воздухе.

---

[10] Жюльен Ф. О «времени». Элементы философии «жить» / Пер. с фр. В. Г. Лысенко. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 97–98.

* * *

Таковы в самых общих чертах проблемы и парадоксы, с которыми мы неизбежно сталкиваемся, раздумывая о времени. Но есть и еще кое-что… За то время, пока я писал этот текст – от его начала до этого самого места (в целях «следственного эксперимента» он был начат этим утром со слова «сегодня»)[11], – я произвел и принял 38 телефонных звонков, получил и написал 47 писем в трех моих электронных ящиках. Подсчитывая же количество коротких сообщений, появившихся за этот день в трех же моих мобильных (включая мессенджеры), я, честно говоря, сломался на 450… да, их больше. Количество же просмотренных мною за сегодня новостей, а также открытых в Интернете страниц считать и вовсе бессмысленно.

Да, львиная доля этих звонков, сообщений, писем и новостей, по сути, спам, «ок» и тому подобные вещи, не потребовавшие от меня большой и серьезной интеллектуальной работы[12]. Но сколько раз мне пришлось отвлечься, подумать о чем-то постороннем, переключить свое внимание с работы над текстом на что-то другое? Огромное. А в каком количестве мест благодаря этим коммуникациям я за это время, по сути, «побывал»? С каким количеством людей вошел в контакт? Наконец, какое количество дел и событий сделали меня своим соучастником за один этот день?! Цифры колоссальные. И все это случилось со мной не во времени моего собственного существования (когда я, признаюсь, невероятным усилием воли сосредотачивал себя на этих нескольких страницах текста), а как бы поперек ему, в параллельных временах, куда я был в некотором смысле выдернут из моего мира, – моего времени написания этого текста.

Всегда быть «на связи» – бич нашего времени, уничтожающий саму эту нашность времени. Вспомните, как мы радовались, когда наблюдали за стремительным ростом доступности информации, появлением новых средств связи и способов коммуникации! Мы радовались, не понимая, что таким образом – через саму эту механику – теряем самих себя. Наше время теперь больше не принадлежит нам – оно не наше личное, а мы, как следствие, не принадлежим самим себе, то есть по большому счету нас нет. Если же мы не можем распоряжаться собой, а наше время не принадлежит нам – сделаем еще круг, – способны ли мы осознать произошедшие с нами изменения?

Только что я провел «следственный эксперимент» над самим собой в процессе написания этого текста, но разве я представляю некое специфическое исключение – посчитайте свои звонки, письма, сообщения за истекшие сутки, и вы в этом с легкостью убедитесь. Причем, скорее всего, вы мне еще позавидуете, потому что я не пользуюсь социальными сетями, а не учитывать такого рода коммуникативные акты нельзя.

> Постоянные «жители» Twitter, ВКонтакте и Facebook[13] живут в состоянии непрекращающегося разрыва внимания: каждое новое сообщение, появляющееся в их «новостной» и «дружеской» ленте, по сути, отправляет их, так сказать, по новому адресу – от одной темы к другой, от события к событию, от персонажа к персонажу, – то есть, прямо говоря, куда подальше от того «места», где они только что были, – от своего места, от самих себя (если тут вообще все еще уместно слово «быть»). В среднем, если

[11] Конечно, я еще вернусь назад по тексту, чтобы десять раз все подправить, что-то убрать или добавить, но это уже детали, которые, поверьте, не повлияют на результаты моего «эксперимента».

[12] Специально оговорюсь, что назвать сегодняшний день слишком загруженным по сравнению с привычной нормой я не могу. И это притом что я принципиально отказываюсь от разного рода «уведомлений», «рассылок» и тому подобных попыток завладеть моим вниманием на автоматизированной основе.

[13] Владелец этих соцсетей Meta Platforms в России признан экстремистской организацией и запрещен.

верить социологам, сотрудник заурядного офиса вынужден переключаться с одной задачи на другую каждые 10–11 минут. Думаю, впрочем, что эти данные за 3–4 года сильно устарели – информационная нагрузка, обрушиваясь на нас, не только постоянно растет в объемах, но и все больше мельчает, что неизбежно ведет к увеличению контактов-отвлечений. Этот феномен хорошо виден на примере развития тех же социальных сетей: сначала личные «электронные страницы» пионеров интернет-пользования сменились на страницы интерактивные – возникли «посты» (условно «жежешные») и «комментарии» к ним, потом посты-блоги сократились в объеме до блогов-сообщений, потом эти сообщения стали и вовсе микроскопическими (твиттерианская революция), а теперь последняя (на момент написания данной книги) фаза – великое инстаграмно-визуальное оледенение: сообщения заменяются на картинки и лайки к ним.

Иными словами, происходит процесс превращения информации в мелкодисперсную взвесь, сама информация «облегчается», достигая уровня предельно малых смыслосодержащих единиц (вероятно, мы уже нащупали дно и знаем теперь, что такое настоящий «квант информации»). В результате этого в нас может войти «больше» информации (в пересчете не на смыслы, разумеется, а на количество квантов), а наша реакция на эту «взвесь» ускоряется – в значительной степени за счет упрощения самой механики реагирования: нам больше не надо думать и даже выбирать между «да» и «нет», у нас теперь только одна кнопка – «лайк» (не хочешь «лайкать» – не останавливайся, не трать время, двигайся – точнее, потребляй дальше). Таким образом, наш мозг оказывается способен больше работать «на вход» (в единицу времени), что он и делает, тут же, впрочем, осуществляя и «выход».

Наше внимание, а точнее, работающие как заведенные доминанты нашей психики, постоянно прыгает, движимое непрекращающимся потоком агрессивной внешней стимуляции. Причем нам может казаться, что это мы и переключаем свое внимание с одного дела на другое, но это совершенно не так: наше функционирование происходит в исключительно рефлекторном режиме – непрерывно привходящая информация провоцирует нас, вынуждает, подталкивает. В общем, в чистом виде эффект «броуновского тела» – под увеличительным стеклом оно движется как живое, но в действительности это «тело» лишь движимо бомбардирующими его частицами. Если бы наш переход из прошлой, аналоговой «эры» в эру поголовной компьютеризации и мобильной телефонизации случился внезапно, мы бы, конечно, почувствовали разницу. Но за несколько лет, пока постепенно нарастала интенсивность этого информационно-коммуникативного цейтнота, мы успели к нему адаптироваться и не видим «разницы».

Впрочем, понятие «адаптации» в данном случае имеет предельно негативную окраску – мы не просто приспосабливаемся к новым реалиям, мы в буквальном смысле этого слова меняемся. Меняется сам наш мозг – то, как он воспринимает информацию, как он ее обрабатывает, как понимает, какие выводы делает и т. д. Необходимо отдавать себе отчет в том, что культура (или, если угодно, ноосфера), на которую мы так уповаем, потому что именно она превращает нас в тех, кем мы становимся в процессе своего индивидуального развития (© Л. С. Выготский), является эмерджентным феноменом, и если мозги, которые сейчас поддерживают ее «глубину», «высоту», «содержательность», «объем», функционально уплощаются, то, сколь бы ни были великими прежние достижения исходной для нас культуры, они немедля перестанут существовать, как только мы перестанем воспроизводить их прежним способом.

Не помню, кто именно задавался этим вопросом – Шпенглер, Тиллих или Зиммель (это мог быть любой из них), но мне он всегда казался принципиально важным: будет ли в принципе существовать картина Рембрандта после вселенской катастрофы, когда вся наша цивилизация

погибнет, – одна, выброшенная в открытый космос? Мне кажется вполне очевидным, что без человека, способного распознать ее, увидеть и оценить, она превратится в ничто.

Впрочем, чтобы утратить этого «заслуженного [как сказал бы Алексей Алексеевич Ухтомский] наблюдателя», никакой вселенской катастрофы, судя по всему, и не требуется. Достаточно просто отказаться от указанного способа воспроизводства культуры, что мы уже сейчас и наблюдаем: мы теряем способность читать и понимать длинные тексты, мыслить системно, запоминать сложные конструкции, анализировать достоверность источников информации, критично к ней относиться, осуществлять по-настоящему исследовательскую деятельность, и т. д., и т. п. То есть мы не просто «адаптируемся» к новой реальности, мы меняемся, и культурная реальность, которую мы, видимо, станем воспроизводить теперь, будет радикально отличаться от той, которая произвела нас. То есть мы прямиком направляемся в новый мир.

> Член научного совета Калифорнийского университета и консультант Microsoft Джарон Ланир в своей книге-манифесте «Вы не гаджет» показывает, насколько современная информационная среда стирает фактор личности и индивидуальности, по сути, сводя ее к недифференцированному белому шуму[14]. Психиатр, профессор Лос-Анджелесского университета Гэри Смолл доказывает, что под воздействием избыточных информационных потоков наше общество становится все более и более аутичным, и всячески рекламирует психотерапевтические техники под общим заголовком «Выключите компьютер и присмотритесь к себе»[15]. Другой знаменитый, на сей раз – немецкий, психиатр Манфред Шпитцер настаивает на том, что наш мир безальтернативно катится к состоянию «цифрового слабоумия». Свою ставшую скандальной книгу «Антимозг» (и это уж точно самый настоящий «манифест»!) он заканчивает словами: «Избегайте цифровых СМИиК (средств массовой информации и коммуникации. – А. К.), они действительно делают людей толстыми, глупыми, агрессивными и несчастными. ‹…› Каждый день, проведенный ребенком без цифровых СМИиК, – это время, выигранное во имя счастливого будущего»[16]. Собственно об этом будущем, которое, впрочем, совсем не кажется ему счастливым, пишет эксперт энциклопедии «Британника» Николас Карр. Проанализировав все уже хорошо известные психологам феномены, связанные с существованием человека в современной информационной среде (включая разрушительные эффекты многозадачности, неизбежные нарушения в работе памяти, катастрофическое падение способности к пониманию, а также эффекты деиндивидуализации и реальной декоммуникации), Николас Карр указывает на наше стремление все больше и больше рассчитывать на машинный мозг и резюмирует: «Как только мы начнем полагаться на компьютеры в познании окружающего нас мира, наш собственный интеллект упростится до уровня искусственного»[17].

Каждый из нас, по существу, является слепком с того мира, в котором нам довелось формироваться, а затем жить. Чем сложнее и богаче этот мир, тем, безусловно, насыщеннее и многограннее становится и наша внутренняя жизнь. Но верно и обратное: по мере того как этот мир – социокультурная среда – претерпевает уплощение, сглаживается, унифицируется, дез-

[14] Ланир Д. Вы не гаджет. Манифест / Пер. с англ. М. Кононенко. М.: Астрель: CORPUS, 2011. 320 с.

[15] Смолл Г., Ворган Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху Интернета / Пер. с англ. Б. Козловского. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2011. 352 с.

[16] Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / Пер. с нем. А. Г. Гришина. М.: АСТ, 2014. 288 с.

[17] Карр Н. Пустышка. Что интернет делает с нашими мозгами / Пер. с англ. П. Миронова. М.: BestBusinessBook, 2012. 254 с.

интегрируется, аналогичные процессы протекают и в нашем мозге (чего, разумеется, мы заметить не можем, потому что мы есть этот наш мозг).

В свое время Зигмунд Фрейд объяснял этот феномен с помощью своих «принципов» «удовольствия» и «реальности»: культура создает препятствия для удовлетворения наших «низменных» потребностей, поэтому мы не можем следовать «принципу удовольствия» (цель видишь – задача ясна) и вынуждены изобретать обходные пути – как получить то же самое, но пройти к нему окружной дорогой, следуя как раз тому самому «принципу реальности», формирующему нашу культуру[18]. Но сейчас мы наблюдаем обратный процесс: там, где раньше было нельзя, – теперь можно, и мы уже настолько не испытываем проблем с удовлетворением наших потребностей, что страдаем от того, что не можем захотеть (апатия, абулия и депрессия в психотерапевтической практике активно вытесняют актуальную еще не так давно тревогу).

Сказываются ли эти процессы на нашем «времени», на том, как мы переживаем время, на том, каким оно становится? К сожалению, об этом мало задумываются, но да, сказываются, причем драматически. Современный человек едва уловимым образом теряет интерес к истории и совершенно ничего не видит в будущем. Трудно вспомнить, когда еще человечество настолько жило «одним днем».

В книге «Смысл в бесСМЫСЛЕННОЕ время» Бенно Хюбнер противопоставляет современное общество (которое он называет «Открытым обществом цели») прежнему «Закрытому обществу СМЫСЛА», в котором людям жилось трудно, учитывая социальную несправедливость, необходимость постоянно бороться за выживание и удовлетворение самых элементарных потребностей, но в котором им не было скучно. Современный мир – мир тотальной «скуки», в котором гнет житейских тревог становится меньше, но что делать с высвободившимся временем – непонятно (притом что, ко всему прочему, и как «свободное» это время совершенно не ощущается). Это мир, в котором люди потребляют лишнее, чтобы не чувствовать себя лишними, в котором ИСТИНЫ – пишет он заглавными буквами – больше не очаровывают, и лишь само «очарование», то есть эстетические впечатления, еще способны будоражить чувства человека, «становятся единственной истиной ничем и никому не обязанных людей»[19]. Это мир выпадения из времени.

Мы перестали доверять своему прошлому, которое столько раз оскандаливалось и переписывалось, мы потеряли и всякую веру в будущее, поскольку ничто не гарантирует его нам хоть с какой-то долей определенности. Мы живем сейчас, потому что сейчас жить можно – не слишком счастливо, не слишком уверенно, но можно. И все это, опять же, последствия, как это ни странно, нашей информационной цивилизации – тоффлеровской «третьей волны». До тех пор пока история не фиксировалась на видеоносителях и в таком невероятном количестве разного рода письменных и иных свидетельств, она существовала в виде свернутых, четко спозиционированных и самоочевидных нарративов (© Х. Уайт), а сейчас она представляет собой невероятный объем вырванных из контекста и никак не связанных друг с другом фактов, которые позволяют организовывать их, по сути, любым образом. То есть свое прошлое мы уже не вполне себе представляем (в виде целостной и понятной картины), а будущее естественным образом из него не вытекает, в связи с чем и настоящее обессмысливается. А дальше можно проводить хоть один «следственный эксперимент», хоть десять, но суть от этого не изменится – мы завязли в какой-то странной, парадоксальной темпоральности, которую я и назвал «складкой времени».

---

[18] Фрейд З. «Я» и «Оно»: Труды разных лет. Кн. I. Тбилиси: Мерани, 1991. 400 с.

[19] Хюбнер Б. Смысл в бесСМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / Пер. с нем. А. Б. Демидова. Мн.: Экономпресс, 2006. 384 с.

* * *

Изначальным, исходным пунктом этого моего исследования было ощущение складки времени. Я видел ее проявления всюду: самые разные явления современности: социальные, экономические, политические, психологические, культурные – все находили для меня свое объяснение в этом загадочном словосочетании «складка времени». Как-то внутренне мне стало понятно, что наблюдаемые искажения, трансформации, стагнации связаны именно с феноменом времени, что дело не в культуре как таковой и не в политике самой по себе, не в психологии и не в экономике, а в том, что само время – изменившееся, впавшее не то в кому, не то в какой-то странный пароксизм, – перестало насыщать эти сферы необходимой силой развития и, напротив, свертывает их, сжимает, выхолащивает.

Все больше осмысляя этот загадочный феномен и проецируя возникающее понимание на окружающую действительность, мне удалось зарекомендовать себя (впрочем, совершенно помимо моей воли) в качестве человека, способного с большой долей достоверности предсказывать будущее. Хотя в действительности никакими предсказаниями я не занимался вовсе, а лишь пытался максимально методологически четко описать феномен складки применительно к той или иной сфере. Но факт оставался фактом – понимание феномена «складки времени» дает весьма точное представление о том, к каким последствиям в самой этой складке приведет то или иное действие. Данное обстоятельство позволило и мне самому по-другому взглянуть на исследуемый феномен: если складка и в самом деле заставляет нас в некотором смысле ходить по кругу (что, собственно, и открывает нам широкое поле прогностических возможностей), то как из этого круга выйти? Решением этого вопроса я, собственно, и занялся…

Постепенно мне стало понятно, что, хотя мы и пребываем в настоящий момент всей нашей культурой (по крайней мере, той ее частью, что доступна моему наблюдению и пониманию) в состоянии «складки времени», в действительности феномен этот не является сугубо историческим, а, напротив, вполне универсальный. То есть история, конечно, может создавать свои мегаскладки наподобие той, в которой мы сейчас оказались (и в которые вкатываются целыми цивилизациями), но возможны еще и частные, единичные, личные для каждого человека, его собственные «складки времени».

Содержательно те и другие, конечно, сильно отличаются друг от друга, однако сущностно это явления одного порядка (просто драматически разных размеров). Собственно, поэтому я и сосредоточил свое внимание на сопоставлении двух этих процессов – складки цивилизационной и складки индивидуальной, пытаясь прояснить таким образом ее сущность и механизмы, а также найти пути выхода из ее замкнутости.

Впрочем, как я уже говорил, от понятия «складки времени», которое легло в основу моих первоначальных размышлений, меня уводили открывающиеся друг за другом вопросы и темы – попутно я столкнулся с феноменом времени как такового, с субъектностью времени, со структурой нашего мышления и отношений его с реальностью, а также с природой желания и логикой современной политэкономии (причем это далеко еще не полный список).

Так что в какой-то момент мне нужно было уже волевым решением положить конец всему этому интеллектуальному безобразию и, отставив в сторону все «лишнее», попытаться прояснить собственно тот феномен, с которого я начал и который, как мне представляется, должен быть обязательно нами осмыслен самым серьезным образом. В конце концов, на дворе действительно цивилизационная мегаскладка времени – трудно считать безобидным подобное «развитие событий» и глупо не пытаться найти из этой ситуации выход.

Таким образом, эта книга – лишь «одна из» в списке других книг, частью уже написанных, частью находящихся в работе, – «Способы думать», «Субъект и желание», «Другой и мышление», «Реальность как она есть» (хотя не могу гарантировать, что все они сохранят

впоследствии свои рабочие названия). Надеюсь, впрочем, что каждая из них окажется вполне самоценной, как и та, что вы держите в руках.

Приятного чтения!

Введение
[Теоретическая возможность «складки времени»]

Все мы живем в определенное время, и это время бывает разным – «время перемен», «время застоя», «военное время», «время кризиса», «время репрессий», «время роста и процветания» и пр. На первый взгляд кажется, что речь идет просто о том или ином историческом времени (по крайней мере, мы легко можем представить себе соответствующие исторические события), однако не думаю, что данные «устойчивые выражения» могут принадлежать историкам-формалистам (в противном случае было бы достаточно называть соответствующие исторические периоды и не обобщать их таким образом). Очевидно, что, пользуясь этими языковыми маркерами, мы пытаемся сказать, что в это время (в то или другое) само наше существование становится иным, соответствующим этому времени, производным от него.

Нечто подобное мы имеем в виду, когда говорим, например, «да, сейчас такое время», «нет, сейчас совсем другое время», «а вот было время, когда…», «в иные времена». Здесь вполне определенно речь идет о некой специфике самой жизни, продиктованной временем, но не только его обстоятельствами, а еще и каким-то его особенным качеством. Или вот еще фигуры речи – «плохое время», «беззаботное время», «счастливое время», «никчемное время»… Предполагается вроде бы календарное время: когда непосредственно – год, месяц, день – мы были счастливы или, наоборот, удручены, ну или еще как-то. Но это только теоретически. По факту, используя эти обороты речи, мы говорим о другом – мы говорим о том, что в самом этом времени было что-то такое, что делало нас счастливыми или несчастными (или какими-то еще). Иными словами, даже подразумевая определенное историческое или календарное время, мы говорим об этом времени (пытаемся сказать) что-то большее – что-то сверх и помимо формального указания на факт тех или иных политических, экономических или социально-психологических условий, мы пытаемся сказать о самом – специфическом – времени.

Еще раз: мы говорим не просто о том, что обстоятельства нашего времени такие-то (война, застой, научно-технический прогресс и т. п.), и не просто о том, что нам было в этом времени как-то (весело, грустно, беззаботно), а что само наше переживание этого времени (его «атмосфера») чем-то отличается от других «времен», что мы сами другие в этом времени.

> Возможно, что куда лучше нас это и такое время понимают китайцы, у которых в самом языке нет нашего, «западного» понятия времени, о чем самым замечательным образом пишет Франсуа Жюльен в своей книге «О „времени”. Элементы философии „жить”»: «Марсель Гране со свойственной ему проницательностью первым выдвинул предположение о том, что в Китае не было разработано понятие времени. ‹…› Никто в Китае „не думал представлять время как монотонную длительность, состоящую из последовательности однородных моментов, соответственно равномерному движению”. Китайцы, согласно удачной формуле Гране, предпочитали видеть во Времени совокупность эр, сезонов или эпох. ‹…› Если мы решим обратиться только к тем понятиям, которые были характерны для самих китайцев, то они, похоже, мысленно связывали две вещи: момент – благоприятный случай, с одной стороны (понятие ши), и длительность – с другой (понятие цю). Однако они не думали об объемлющей оболочке, которая была бы „временем”. ‹…›
>
> Речь идет не о „времени”, а о „благоприятном” времени, на латыни говорят: tempus capare, „лови момент” – время, которого надо уметь не только „дождаться”, но также и не упустить; оно вписывается в стратегическую, а никак не теоретическую логику, и именно по этой причине оно встречается

> в разговорной речи в смысле: (засечь подходящий) момент. ‹… › Выражение, использованное в „Беседах и суждениях", предварительно сжато: ведь то, что мы переводим как „ждал благоприятного момента", выражено одним-единственным термином ши, который обозначает „момент" („сезон") и служит здесь глаголом. Ибо сам этот момент не нейтрален, не индифферентен, он остается качественно маркированным подобно сезону и поэтому является стратегическим. Момент является не простым сжатием „движения", как свидетельствует об этом его латинская этимология (moment выводится из movimentum, от лат. movere, „двигаться". – Пер.), но внутренней меткой возможности, которую он приглашает нас постигнуть и которую надлежит использовать. Как таковой, он неотделим от ситуации, проникнутой некой естественной склонностью»[20].

По каким-то причинам (надеюсь, в ходе дальнейшего изложения мы сможем понять, по каким именно) мы понимаем время не просто как показания часов, календарей или свидетельство учебников истории, но и как нечто самостоятельное, особенное, организующее наш мир и живущее нами и через нас. Однако я сразу должен оговориться (не хочу быть понятым неправильно): при всем при этом я не готов рассматривать время ни в метафизическом аспекте, ни в аспекте некой мифической силы. Нет, я надеюсь обнаружить и конституировать этот феномен с предельно позитивистских позиций (что, впрочем, не означает, что мы будем говорить о «времени», как его понимают физики или психологи).

[20] Хюбнер Б. Смысл в бесСМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / Пер. с нем. А. Б. Демидова. Мн.: Экономпресс, 2006. С. 55, 58, 64–65.

Складка временикак экспериментальная патология

Имплицитно осознавая наличие цивилизационного феномена, скрывающегося за понятием «время», им занимались историки и культурологи (в широком смысле этого слова), анализируя специфику различных исторических эпох, общественных формаций, разные уровни культурного развития и разные культуры (К. Маркс, О. Шпенглер, Ф. Фукуяма и др.). Психологи и социальные психологи (П. Фресс, Р. Левин, С. Гроф и др.) занимались изучением собственного «субъективного времени» (не в смысле субъектности, а в смысле индивидуального проживания и переживания времени) – известно, что человек, находящийся в том или ином психическом состоянии, например в мании или в депрессии, переживает время по-разному, опаздывающий – не так, как скучающий, а трезвый – не так, как в состоянии измененного сознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.